

Юрий Юрьевич Першин

кандидат философский наук, доцент

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

(г. Омск, Российская Федерация)

В работе автор излагает свои мысли по поводу феномена жертвы и жертвоприношения в обыденном и сакральном смыслах. Для раскрытия последнего автор предлагает эксплицировать и обратиться к архаическому пониманию жертвы.

In this work, the author exposes his ideas about the phenomenon of sacrifice and sacrificing in common and sacred meanings. To disclose the latter meaning the author proposes to explicate and turn to the archaic understanding of this phenomenon.

АРХЕОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ПРЕДЧУВСТВИЕ ЖЕРТВЫ

1 И воззвал Господь к Моисею и сказал ему из скинии собрания, говоря:
2 объяви сынам Израилевым и скажи им: когда кто из вас хочет принести жертву Господу, то, если из скота, приносите жертву вашу из скота крупного и мелкого.
3 Если жертва его есть всесожжение из крупного скота, пусть принесет ее мужеского пола, без порока; пусть приведет ее к дверям скинии собрания, чтобы приобрести ему благоволение пред Господом;
4 и возложит руку свою на голову жертвы всесожжения – и приобретет он благоволение, во очищение грехов его;
5 и заколет тельца пред Господом; сыны же Аароновы, священники, принесут кровь и покропят кровью со всех сторон на жертвенник, который у входа скинии собрания;
6 и снимет кожу с жертвы всесожжения и рассечет ее на части;
7 сыны же Аароновы, священники, положат на жертвенник огонь и на огне разложат дрова;
8 и разложат сыны Аароновы, священники, части, голову и тук на дровах, которые на огне, на жертвеннике;
9 а внутренности жертвы и ноги ее вымоет он водою, и сожжет священник все на жертвеннике: это всесожжение, жертва, благоухание, приятное Господу.

Ветхий Завет. Левит 1. 1–9.

1 Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные,
2 и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное.

Послание к Ефесесянам святого апостола Павла, 5. 1–2.

Введение. Есть очень интересное проявление феномена резонанса. Звучащий камертон подносят к различным струнам, и вдруг одна из них начинает вибрировать на одной с камертоном частоте. Вероятно, работа В. В. Савчука «Жертва»¹ как раз и явилась для меня таким своеобразным камертоном. Она заставила меня высказать всё, что я думаю, знаю и думаю, что знаю о жертве. Это не инструкция по жертвоприношению, как можно было бы понять из эпитафии. Это просто полемика. Возможно, не очень изящная. Но откровенная и искренняя.

---

¹ См.: Савчук, В. В. Кровь и культура. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1995. – С. 60–73.

В «Жертве» В. В. Савчука есть что-то, что я понимаю и принимаю, но есть и то, что я принять не могу, то, что, на мой взгляд, выписано небрежно, чему дана, как я считаю, неверная или искаженная оценка. И в ней есть что-то неясное – то, что я не могу уловить, выполняющее роль занозы, невидимой под кожей, но заставляющей вздрагивать от боли каждый раз, когда касаешься якобы здорового места. Это саднящее чувство относится не только и не столько к работе В. В. Савчука, обнажившей рану проблемы. Оно может быть сформулировано в виде вопроса всем тем, кто говорит и пишет о жертве: «А вы, «знающие» всё про жертву и жертвенность, люди цивилизации, *когда-то, кому-то, что-то или кого-то приносили в жертву?*». Давайте избежим скорого и необдуманного ответа, тем более, что мне еще необходимо пояснить свой вопрос.

Вся человеческая и животная жизнь есть сплошная жертва (А. Ф. Лосев). «Жертва» В. В. Савчука бесспорно актуальна. Возможно, это философский эпатаж. Но он искренен и ему можно верить, даже если кажется, что он чего-то не знает или не понимает. Ведь он *чувствует*. А вот Лосеву верить нельзя. Начиная философствовать, он сам становится так же далек от понятия жертвы, как и от понятия Родины. Он и без философствования попросту не знает, что такое жертва. Мне могут возразить: как, ведь вся жизнь А. Ф. Лосева – одна сплошная жертва! Давайте говорить честно, если вся человеческая жизнь есть жертва, то она и не жертва вовсе, так как мнимая *тотальность* жертвы элиминирует само это понятие. А если не-жертвы нет, то и жертвы нет. Без черного нет белого. Трагическая и возвышенно-романтическая эрзац-жертвенность становится процессом жизни, а значит не жертвой. Тяжелая жизнь человека – не его жертва. И даже если предположить, что каждодневные «онтологические» страдания человека – это его жертва (кому? за что?), то сразу же следует признать, что это *глупая* жертва, жертва *бессмысленная, ненужная и уродливая*, и я сочувствую тому богу, которому (и вообще всему, *чему* или *кому*) такая жертва приносится, так как эта жертва – результат без-ум-ия, отсутствия человека в мире. Или полного непонимания человеком мира. Отсюда – ни одна из политических доктрин, к которым следует также отнести и взятый в целом проект христианства² (впрочем, как и ислама), не может быть описана в терминах жертвенности, так как они, говоря о высоких идеалах и жертвенности, паразитируют на архаическом прозрении, онтологическом знании, онтологической включенности человека в онтологический же феномен жертвы. Цинизм политического (внимание: не религиозного, а именно политического) дискурса сводит на нет смыслодер- жание жертвы.

В обыденной жизни мы не только далеки от понимания жертвы, мы совершенно не понимаем, что это такое, о чем мы говорим. «Я пожертвовал своим здоровьем, временем, личной жизнью, молодостью, материальным благополучием (продолжите сами, но не будьте слишком мелочными ...) ради тебя!» Да нет же. Просто ты выбрал такой (иногда совершенно бездумно) вариант развития событий, своей жизни, по сути – своей судьбы. Ты же выбирал (если вообще выбирал), как полагал, лучшее из возможного. Старался всё продумать. А возможно и схитрить. Если не выбирал – тебя нес поток, «судьба», «слепой случай». Где же здесь жертва? А тот, ради кого ты «жертвовал», знал об этом? А нужна ли ему была эта жертва? А он принял бы её? Ему было заявлено о возможной выгоде? возможном долге? возможной ответственности? Теперь твоя фраза «Я пожертвовал ... ради тебя!» – это политический инструмент, средство подчинения того, кому она говорится. Не надо никого винить, ты просто выбрал не очень верный путь из всех имеющихся. Это не жертва. Не следует сводить жертву к бездарно потерянному времени, кошельку, здоровью, молодости, царапине на пальце (ой! кровавая жертва, не иначе!), стоптанной обуви, поношенной одежде, оплате такси, автобуса, места в храме³, невнимательности и небрежности в соблюдении правил до-

² Следует заметить, что, говоря о цивилизации, я имею в виду нашу иудео-христианскую, а также исламскую цивилизацию.

³ Я не могу согласиться с тем, что мучительное отстаивание в храме полдня или всю ночь на Рождество или Пасху является жертвой. Всю ночь «радоваться» с горестным лицом или канючить здоровье, спасение души и пр. – сугубо утилитарные вещи, ничего не давая взамен – не жертва. Даже «предстояние перед Бо-

рожного движения, безответственности механиков и халатности авиадиспетчера и пр. «Жертва» аварии, теракта, СПИДа, бесхозяйственности – не жертва цивилизации, а техническая процедура оплаты по счетам за бездумное пользование цивилизацией. Настоящая жертва всегда предварительна, в тревожном ожидании – вдруг не будет принята, всегда в ожидании – вдруг не жертва. Она – в безысходности и необходимости сознательного отказа от того, что её составляет в пользу ... обязательно **кого-то**, но никогда не в пользу **чего-то**, в неизбежности осмысленной передачи прав владения на нее.

Жертва похожа на обмен, но она в прямом смысле не обмен, похожа на оплату⁴, но не оплата, похожа на потерю, но не потеря. Она (в этом я солидарен с Савчуком) искренна, святая, торжественно-празднична и одновременно она серьезна. Она экзистенциальна и онтологична. Она – альфа и омега единого-единственного здесь-и-сейчас бытия, она – максимум внимания, я-в-ней без остатка, она, каждый раз заново, действие-ритуал-жизнь-игра-опыт. Точка смысла. Переход в иное. Жертва всегда вневременна, поэтому нет «современных видов жертв». Жертва всегда современна. Она – единство времени и пространства, и через сотворение пространства и смысла жертвы мы попадаем в Хронос, в доисторическое и внеисторическое первовремя, если нельзя наоборот.

Само пространство и смысл жертвы всегда контемпоральны, своевременны во времени-которое-всегда, и поэтому *вне профанного времени* они – в Хроносе-первофеномене, при непосредственном восприятии которого человека охватывает – нет, не ужас или шок – экстаз от приобщения к божественному, что означает тотальное понимание и проживание Космоса.

Закладная жертва Христа. Что бы нам ни внушали, жертва – изначально **не** христианское понятие. Следовательно, весь мир держится на архаическом, языческом действе. И если мы не можем мыслить в иной парадигме, кроме иудео-христианской, то именно Библия ввела моду на принесение отцами в жертву детей. Отец жертвует сыном – это архетип, ядро и краеугольный камень *не нашей культуры*. В нашей культуре родители всегда (если не всегда, то преимущественно) жертвуют собой во имя детей. Именно поэтому современная «полугосударственная» религия не имеет ничего общего с жизнью.

История же христианства также начинается с жертвоприношений. Эти жертвоприношения объявлены, известны и кровавы: Иоанн Креститель, Христос, не считая погибших с ним на кресте. Таковы условия жанра. В этом нет обиды. Святое не бывает поругаемо. А если бывает, то это не святое, а политическое. Проверьте, читающие, насколько вы в вере, а насколько в политике. Сам Христос ныне не жертва, он политический инструмент⁵, средство подчинения того, кому его смерть вменяется в вину: фраза «Он принес себя в жертву за вас»

гом» – атрибут просьб, но не жертва. В этом действе практически потеряна *культура* первичной христианской рациональности:

1 Взглянув же, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу;

2 увидел также и бедную вдову, положившую туда две лепты,

3 и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила;

4 ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, какое имела.

(Марк, 12; Лука, 21).

Именно такую, *крайнюю, предельную* искренность бедной вдовы, показавшей один из смыслов жертвы, можно искренне уважать.

⁴ Самоубийцы, сумасшедшие, наркоманы, преступники – «привычные вывихи культуры» – являются свидетельством того, какую жертву платит общество, втягиваясь в общий цивилизационный процесс (В. В. Савчук. «Жертва»). Давайте сразу определимся: жертву нельзя *платить*. Жертву можно *приносить*. А самоубийцы, сумасшедшие, наркоманы, преступники – не жертвы общества цивилизационному процессу, а его, это общества, безответственность. Жертва – уточним еще раз – ответственна.

⁵ Про «маленькие хитрости» и диктат императора Константина (вот она, политика!) в вопросе «демократического» избрания Иисуса богом на I Вселенском соборе в Никее в 325 г. можно прочитать, к примеру, у А. В. Карташева: «Вселенские соборы» (См. в Интернете на сайте <http://www.lib.eparhia-saratov.ru/books/10k/kartashev/councils/contents.html>). Это, вероятно, как раз та поворотная точка политико-религиозного дискурса, в которой закончилась искренность христианства. Вне политико-религиозного дискурса эта искренность сохранилась, и ей, кстати, пронизано письмо Л. Н. Толстого «Ответ на определение синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма».

в переводе означает подчиняйтесь. Да и какая он жертва, ведь его прибавали к кресту язычники, а не христиане. Значит, он жертва язычников своему Богу? Тогда причем здесь христианство? Кстати, не следует забывать, что еще задолго до казни Христа (да, это была именно казнь, а не принесение в жертву) язычники-римляне *последовательно боролись против человеческих жертвоприношений*. А в какой «популярной» терминологии истолковали казнь ученики и последователи Христа – другой вопрос, ведь слово «жертва» с вариациями употребляется в Библии более тысячи раз, иногда с подробнейшими описаниями-инструкциями. Да и вообще, причем тут Бог, если на кресте Христос сожалел о *непринятой* Богом «жертве»: «Или, или! лама савахфани?» Для чего Он, Бог, оставил его? Ведь смерти еще не было, жертва еще не была принесена (уже не говоря о том, она не была заявлена)? Действо не стало священным? Это действие очень похоже на поведение наших верующих в храмах: зашел, купил свечу, зажег от другой, поставил перед иконой, перекрестился и пошел далее, через минуту после этого жертвоприношения (а что, вы не знали, что это жертвоприношение?!) забыв о нем. Если так, то здесь нет и не могло быть *re-ligio*, то есть не было единения «верующих» с Богом. Ведь жертва становится ею тогда, когда её передают «из рук в руки», а не отправляют «до востребования». Подумайте, сколько свечей сожжено не для Бога! И каждая из них вопиет к тому, кто её зажег: «Почему ты бросил меня?». Это не жертва. Я не завидую тому богу, которому кидают свечи, как собаке кости, которого забывают, выйдя из храма. Он, должно быть, страшно одинок.

Убить жертву – позорно. Принести – почетно. Убить – значит не дать принести, испортить для принесения, помните об этом, идущие по дороге к храму. Жертва – это посланец к Богу, а не ветчина ему на завтрак. Её не *убивают*, принося, а *приносят*, убивая. Поэтому жертва – это тотальная ответственность (вот еще одно *на самом деле* незнакомое нам слово), где не было, нет и не будет никакого прощения, тем более всепрощения. Поэтому жертва *не дань страху*, не проявление *богобоязненности*. Ведь только сожаления достоин тот бог, которого боятся – ведь он не знает, что такое любовь.

Жертва – это не «я» и «не-я», жертва – это тотальное «мы», причем «мы» – это и моё тело, и тело сородича, и тело рода и тело (!) бога – весь космос (возможно, правы язычники, называя его Родом?). Именно здесь так важна *обратная связь всего со всем – re-ligio*. И жертва – мой вклад в эту коммуникацию, подтверждение моей *тотальной ответственности* за нее. Иоанн и Иисус расписались под этой ответственностью собственной кровью. Следующие за ними (вот они, политики!) сказали, что кровь уже пролита и уже не нужна для связи с Богом, кровь – это варварство, язычество. Нет крови – нет и ответственности. И тогда только христианский Дьявол остался для них тем, кто принимает уверения кровью. Неужели только он знает цену ответственности? Может быть, поэтому он эсхатологически обречен на поражение? Ведь в нынешней (виртуально-теологической, фантазмагорической, нереальной) реальности сопливо-милосердная, прощающая всех и вся *безответственность* всегда побеждает немощную, но никогда не прощающую и имеющую понятие о чести и совести *ответственность*?

Да, кровь перестала быть средством породнения с богами, стала внекультурна, стала табуирована, стала *опасна ответственностью*. Поэтому можно сказать, что ислам, как это ни парадоксально, всё же ближе к пониманию жертвы, чем христианская культура, выпустившая вместе с кровью жизнь из *закона-первосмысла*, сняв онтологичность и тотальность с ответственности, и сделав логос-ответственность пустым звуком, словом, которое употребляется в нашей жизни незаметно и гораздо реже, чем привычный мат.

Кровь ислама. Вы наверняка видели прекрасную комедию «Бриллиантовая рука». Помните «зарубежную» её часть, где показаны узкие лабиринты улочек «иностранного» города, где можно заблудиться, как кажется, навсегда? Я родился и вырос в этом городе, я ходил по этим улочкам старого города-крепости у моря, расположенным амфитеатром вокруг высокой древней башни, называемой Девичьей. Мой дворик находился в другом районе города и был по-барски огромен, потому что в нём в один ряд, цепочкой помещались мотоцикл с коляской, старый-престарый «Москвич» и еще что-то, такое же ветхое. А еще во дворе

росло огромное, похожее на тысячелетний дуб тутовое дерево. Двор был на пять семей: азербайджанцы, русские, евреи. Двор один – все вместе, в горе и праздниках, единый Космос.

В определенное время, когда все пространство двора начинает вибрировать в предвкушении ежегодного праздника, во дворе появлялись бараны, один или два, привязанные к столбам, поддерживающим вкусный виноград над двором. Рядом с ними – сено. Для меня, ребенка, это была странная, тихая радость: во двор пришел зоопарк. Можно было подбросить жмущимся друг к другу баранам сена, которое сеном совершенно не пахло, а если удастся, то и потрогать их. А самое интересное – посмотреть, как из толстого курдюка рассыпаются на землю мелкие черные шарики.

Я видел, как в один из дней во дворе собираются люди, как происходит какое-то действие, центром которого становились эти вонючие животные. Я видел, как один из мужчин (далеко не каждый!) долго и тщательно точит на сером бруске нож с деревянной ручкой, как двое серьезных, матерых мужчин-«киши», наших соседей, положив барана на бок, держат его ноги, а третий, загнув баранью голову назад, к бараньей спине, совершенно обыденным движением, как будто это хлеб, перерезает барану горло. Из горла бьющегося в агонии барана широкой струей на асфальт двора хлещет кровь. Затем с него снимается шкура, вытаскиваются кишки, набитые тем сеном, которым я еще вчера кормил барана. Что дальше – не помню, наверное, мне уже было не интересно. Да и не важно. Важна огромная лужа глянцевой-черной, медленно текущей по двору и постепенно застывающей в желе крови, её сладковато-острый, подкатывающий комом к горлу запах. Потом эту кровь вместе с мусором и бараньим навозом смывали струей из тонкого шланга с асфальта двора в канализацию. Приготовленным мясом соседи с нами (обязательно!) делились, но я не помню, чтобы я ел эту баранину. Много лет спустя я понял, что своими глазами видел настоящее кровавое жертвоприношение.

Странно. Кровь – это *последнее* средство, *крайнее* средство, когда уже нечем платить (помните бедную вдову: две последние лепты – её кровь). Когда выставаемый счет настолько *реален*, что человек (как пресловутый Нео в боевике «Матрица») отключается от нашей ненастоящей реальности и выбрасывается в настоящую – вне времени, вне цивилизации, в топос онтологической морали и ответственности. После крови нет более средств оплаты, но Аллах принимает кровь как допинг. Чужую кровь. Ей он силен. Ей сильны люди, приносящие жертву. Это своего рода постоянный религиозный «последний рывок», как последний рывок спортсмена, который не может постоянно сидеть на допинге. Я же на всю жизнь запомнил смотрящий на меня из запрокинутой головы барана налитый кровью и страхом глаз, как будто отдающий мне свою жизнь. Спрашивающий у меня, знаю ли я, что делаю? Я делаю? Я не оплачиваю долги бараньей кровью.

Мы – люди, мы так жили, живем и будем жить, по законам предков, по отеческим законам, и в этом мы расписываемся своей кровью, которую не в силах превратить в воду или вино даже двухтысячелетняя «новомодная» (что такое две тысячи лет?) «мировая» религия. Мы – люди именно потому, что можем приносить в жертву кровь, свою кровь, потому что понимаем её ценность. Кровь – это память, древняя, архаическая, через порез, боль, кровь – это память рода, память о тех, в кого уходят истоки наших жизней. В крови мы – перволюди, в вечном состоянии постижения и воспроизведения первосмыслов.

Кровь не томатный сок боевиков. Якудза, отрезающий себе в фильме палец в знак верности хозяину, пусть в своей имитации трагедии и боли. Реальные кадры расстрелов, реальные кадры отрезания чеченскими боевиками пальцев у пленников шокируют своей настоящестью в противоположность виртуальной жертве якудзы. Кровь *онтологически искренна*, она всё проверяет на искренность, умирая. И избегает её только тот, кто понимает, что *не выдержит проверки*. Страх быть по-настоящему неискренним способствует превращению крови в киношный томатный сок, или в кагор. Превращению тела в резиновую куклу. Превращению культуры в цивилизованность. Превращению религии в идеологию.

Пролитая кровь очищает. Пролитие крови – топологически – размыкание. Она открывает дорогу смерти, вернее, она – связующее звено между жизнью и смертью. Могила, близость могилы очищает. Помните «Жертву у гроба» Эсхила?

*«Лейте слёзы, восплачьте плач, к холму горестному припаив.
Отвращает могила зло, очищает от скверны добрых».*

Очищает место, где приносится жертва. Или проливается кровь. Солдаты очищаются гибелью товарищей, их кровью, близостью к переходу «туда». Человек не выдерживает испытание такой степенью разомкнутости, открытости, включенности в бытие, чистоты и старается «испачкаться» – напиться, гульнуть, вплоть до совершения противоправного поступка: мы были там и теперь нам всё можно! И каждый раз такой «грех» сродни грехопадению Адама и Евы, увы, мы не знаем другого сравнения. Кровь жертвы – как размыкание себя, приближение к переходу, трансгрессии – тяжелейшая работа очищения «от грехов», дикое напряжение, после нее – «душа праздника хочет», разгул, оргия как попытка все забыть (помните, древние считали праздничный день *рабочим*, а послепраздничный – днем отдыха). Или человек просто отвык от состояния искренности?

Для альпинистов, мотоциклистов и прочих, видящих смерть, памятники-гермы⁶ у дороги – места для переговоров с иным, «тем светом», с друзьями, жившими на этом пределе и однажды просто перешедшими границу этого и того миров. Эти импровизированные гермы – проявление понимания первосмысла-силы, проводящей друзей «туда», Гермеса-психопомпа, Велеса, Одина, Вотана, это не символ-указатель, это место приобщения, это очищающее соприкосновение.

Неосознанных жертв нет. Жертва обязательно должна быть осознанна и ей должно быть уделено *внимание*. Первый стоп-кадр, остановка реальности в поворотной точке – до и после, целый мир между прошлым и будущим. Кровь вяжет, смерть вяжет, кровь – первовещество – первосмысл, точка основания мира. Основание, на котором строится культура, и цемент, которым она скрепляется. Помните Н. А. Некрасова:

Умрешь не даром, дело прочно, когда под ним струится кровь.

Помните О. Мандельштама:

*Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей...*

Почему мы так боимся её, почему она так противна? Чтобы пролить кровь, тоже и всегда нужна ответственность. За то, что она пролита не даром. Это ответственность перед собой (ибо кто посмеет отделить жертву от жертвователя и от того, кому жертвуют, кто желает, чтобы «порвалась связь времен», кто желает превращения Космоса в Хаос?). Это ответственность перед жертвой. Ответственность всегда осознанна.

Возвращаясь к В. В. Савчуку с его дилеммой: кто умер, Бог или кот, – следует заметить, что Теэму Мяки⁷, приведенный автором как иллюстрация, тоже, как и все, знающие цену крови, выступает против крови-томатного сока. Он бросил вызов не только общепринятости любить животных. Нет, он бросил вызов общепринятости и обыденности вообще, сте-

⁶ Герма – алтарь древнегреческого бога Гермеса, одна из функций которого – проводить души в мир мёртвых.

⁷ См. доклад В. В. Савчука «Бог умер, а кот жив?», сделанный автором на круглом столе «Насилие и искусство», который состоялся в рамках симпозиума «Век XX – явление насилия» 22–23 апреля 1997 г. Это размышление о фильме Т. Мяки «My way». Доклад опубликован: Художественный журнал. – 1998. – № 19–20. – С. 32–36.

реотипам, «хищным вещам века» (Стругацкие) и даже хищным идеям века⁸. Кот был принесен в жертву за людей. Взял на себя их грехи. Следовательно, этот кот – новый Христос?

И еще, возможно, как отмечено в «Жертве» В. В. Савчука, реальным «убийством» жертвы будет лишь забвение её памяти, «Tot ist Der – der vergessen vird». Но я до сих пор помню тех жертвенных баранов. Значит, они живы?

Игра в жертву. Мы привыкли оперировать теми понятиями, которых не знаем. Это эрзац-названия, шахматные фигуры, заменяющие реальные понятия. Мы выстраиваем вереницы смыслов, не зная довербальной перворациональности. Эти понятия и смыслы в нашем исполнении, как идолы Бэкона, постоянно заставляют нас быть софистами, играть словами, пытаюсь объяснить маркированное очень давно и не нами, напыщенно и экзальтированно-философски изрекать истину, которая постоянно, как горизонт, отдаляется от нас, которая всегда где-то рядом, но не с нами. Прежде всего жертва – это не то, что мы о ней знаем или думаем, что знаем. Это другая, довербальная, реальность, и её безумно трудно объяснить тем набором слов, который имеется в нашем распоряжении. Это жизнь, которую нельзя проговорить, объяснить, её надо прожить, в ней надо участвовать. Действовать, быть в ней, быть ей.

Жертва объясняется только через саму жертву, через катарсическое состояние жертвоприношения – состояние чистого смысла, чистого разума, разума без всех наслоений – это и есть экстаз. Это чистая, чистейшая метакоммуникация, чистая реальность, чистое бытие смысла, понимания, звука, формы, движения, языка, которому не нужны бессмысленные слова, искажающие реальность (слово изреченное есть ложь). Её невозможно встроить в готовый формат смысла и воспроизвести готовым языком с готовыми значениями слов. Это ситуация проявления подлинного человеческого, его единой-единственности с жертвой, с жертвующим, с теми, кому жертвуют, и в общем – с Космосом. Только в этом человек есть мера всех вещей, существующих и не существующих. Жертва, объясняемая спящим разумом, – это просто игра воображения.

У жертвы есть два модуса: *предоплата, оплата, дар, посвящение, освящение* как **sacrifice**, а также *результат, следствие, итог, потеря, погибший (-ая, -ие)* как **outcome, casualty, losses**. Интересно, в английском языке эти значения выражаются разными словами, а в русском – расхожим словом *жертва*. Я предпочитаю говорить о жертве в первом модусе – предоплате, благодарности, обмене, коммуникации, диалоге. Но когда мы говорим о цивилизации, мы имеем в виду второй модус жертвы – потерю, неожиданную, случайную, это то, что отнято против желания, уничтожено, отчуждено. Это насилие.

«Без жертв не обойтись», говорят, к примеру, и спасатели, и жрецы древних богов. Они говорят о разном. Они не поймут друг друга. У спасателей жертвы – погибшие, у военных – потери, у бизнесмена – время и упущенная выгода, у школьника – кино, которое не посмотрел из-за уроков, и т. д. Все эти «жертвы» – жертвы нынешней цивилизации, заметьте, мы, как древние римляне, придумали нового бога, вернее, богиню – Цивилизацию. А еще наши боги – Прогресс, НТР... Однако даже Молоху *приносили* жертвы, а эти «боги» *берут* свое сами. Поэтому *о цивилизации и её последствиях невозможно говорить в терминах жертвенности*. Это всё равно, что рассуждать о разнообразии цветов и жизни в Ничто. Вообще, *вряд ли можно говорить о жертве вне дискурса re-ligio*. Вне его мы говорим об **outcome, casualties, losses**⁹, но не о **sacrifice**, то есть мы говорим о *дани*, а не о жертве. Религия цивилизации, следовательно, есть религия Ничто. Она прекрасно встраивается в тело цивилизации, так как тотальность этой религии является тотальностью цивилизации. В этом пространстве – рефлексия экзистенциалистов правомерна – нет места человеку, впрочем, как и любому другому богу, включая «мирового». Однако тотальность тела цивилизационно-религиозного монстра не есть *мир*. Мир другой, ему не нужен человек, расчлененный на *душу* и *тело*, на «я» и «ты», на *субъект* и *объект* и т. д. Ему нужен целостный человек, в ко-

⁸ Я бы даже сказал: хищным идеям тысячелетий.

⁹ Вспомним цитату из В. В. Савчука: «самоубийцы, сумасшедшие, наркоманы, преступники», да ведь и не только они, а все, кто не знает, что такое *re-ligio*, что такое *жертва*.

тором цивилизация и религия проявляются в тотальности морального (помните Канта: моральный закон во мне), тотальности ответственности, и только уже здесь, в этом пространстве *бог есть любовь*, и только в этом пространстве «исчезает неправда» (В. Розанов). В теле же нашей иудео-христианской цивилизации, которая, как выходит, хуже Молоха, любовь так же стерильна, как и бог, которого она маркирует.

Смысл цивилизации – удобство, удовольствие, выхолощенность, боязнь культуры. Потому что смысл (а не просто условие бытия) культуры – неудобство, ограничения, рамки, раны, боль, кровь, жертва, искренность. Да, цивилизация стерильна, а культура кровожадна, потому что именно ей, а не цивилизации приносят жертвы. Следует ли удивляться отсутствию культуры в нашей цивилизации, в которой *жертва* – всего лишь игра, а любовь – религиозно-идеологический инструмент? Цивилизация пронизана коммуникацией. Жертва – закрепление чего-то большего, чем коммуникация. Жертва – архаическая форма теосоциального метаболизма, метакоммуникация. Она – закрепление присутствия человека в мире. Казалось бы, причем тут присутствие?

Так повелось, что человек присутствует в мире постфактум, и положение-квинтэссенция такого присутствия – позиция философа. Философ, по идее, должен давать прогнозы, но дает лишь заключение. По определению таких философов, как Ж. Делез, М. Фуко и др., философ – клиницист. Клиницист при «погруженности» в гущу событий, тем не менее, как субъект отделен от событий-объектов, он препарирует их, дает им диагноз. Он не есть эти сами события.

А как быть в самих событиях? Как *быть* в мире? Если нас не устраивает философия, в которой мир является продолжением взгляда, продолжением мысли, то можно на худой конец согласиться с тезисом Деррика де Керкхова о том, что «Мир как продолжение кожи намного интересней, чем мир как продолжение взгляда». Однако смею вас уверить, что *мир как продолжение тела* еще интересней. Такое объемное восприятие мира требует от философа жертвы, для принесения которой не нужны терновый венок, бревно с перекладиной, толпа, кричащая «распни его» и римские легионеры¹⁰. И не беда, что мы разучились приносить жертвы, уже то, что тема живет, болит, является предчувствием жертвы. Предчувствием понимания и ответственности.

Это – святая жертва. «Благоухание приятное».

---

¹⁰ Кстати, без этих «атрибутов» жертвоприношения прекрасно обошелся Сократ.